

ГЕОРГИЙ БОРИСОВИЧ ФЕДОРОВ (1917 — 1992)

Этот выпуск журнала посвящен Георгию Борисовичу Федорову. Официальных поводов нет: ни юбилея, ни памятной даты, ни печальной годовщины со дня смерти. Было и есть только одно — память о Федорове.

Фальсификатор

Его имя в официальной науке всегда было безупречным. Но еще задолго до смерти внезапно прервался поток многочисленных федоровских публикаций. Общение с ним вдруг стало не особо популярной роскошью. И только толстые литературные и научно-популярные журналы оказались прибежищем статей, рассказов, сценариев и рецензий Георгия Борисовича.

Семидесятые-восьмидесятые годы — время странных репутаций, недомолвок, туманных полунамеков и сплетен. Все они двусмысленно-точно на десятилетия подвешивали человеческую жизнь в состоянии предсказуемой неопределенности. Воронки и тройки — уже символы другой эпохи и крайне редкое, исключительное проявление ясности, отнюдь не желанное и не желаемое. Вялотекущая опала, о причинах которой всегда можно было лишь смутно догадываться, добивала людей по-своему эффективно, в соответствии с репрессивным жанром эры хельсинкского гуманизма. Никаких палачей, но и никаких героев. Популярнейший приговор — диагноз. Материалы дознания — история болезни. Спивающийся, сомневающийся в собственной правоте, униженный вечной неуверенностью в дне сегодняшнем, фрондирующий на бардовских полянках, всегда уязвимый для критики, болезненно ее переносящий (а значит, управляемый) — это типологический портрет далеко не худших персонажей недавних десятилетий. Федоров таким не был никогда, но оказался именно в такой двусмысленной обстановке.

«Археолог среди писателей» и «писатель среди археологов» — расхожее клеймо, придуманное для Федорова его ехидными недоброжелателями. Наверное, с их точки зрения, преданность скромным идеалам науки отнюдь не предполагала и не требовала наличия литера-

турного таланта. Более того, в дополняющем амплу писателя виделось серьезнейшее основание для недоверия к качеству уже сугубо научных творений исследователя. Ярко — значит сомнительно. Читается легко — значит, легко писалось. Ну а раз легко писалось, следовательно — легковесно, поверхностно, недобросовестно исследовалось. «Литературные приемы» оказывались в числе приемов запрещенных. Они вводили в область сугубо индивидуализирующих оценок — неисчисляемых в стуло-днях, отбытых экспедиционных сезонах, годах непрерывного стажа. Но Федоров никогда не смешивал жанры (с его талантами ему это наверняка давалось с трудом). И потому его увлеченно читали, и потому он был известен, и именно как археолог, и много шире круга посвященных в эту науку людей. И, тем не менее, клеймо прижилось. Гадливо ухмыляясь, его частенько воспроизводили, как правило, сами археологи, многие из которых никогда Федорова в глаза не видели. Он же, в свою очередь, действительно раздражал своих незримых недругов (особенно тех, кто не был в ладах ни с пером, ни с лопатой) одним лишь фактом собственной популярности. Популярность, особенно тогда, редко уживалась с обликом серьезного ученого. Было яснее ясного, что серьезный ученый просто не может быть популярным, его не могут любить пионеры и домохозяйки, академики и школьные учителя одновременно. Ведь серьезный ученый — это кто? Это прежде всего ученый, могущий стать в перспективе научным начальником. А какой же, с позволения сказать, начальник может выйти из человека, пишущего рассказы для издательства «Детская литература»?

Искренняя любовь, восхищение, брезгливое раздражение, зависть и глухая ненависть — гамма чувств, вызываемая очередным произнесением его имени. И тогда, и сейчас. «Гений Алчедара», «фальсификатор», «Учитель», «Основоположник», «шовинист» — многочисленные, но уже не прижизненные псевдонимы Федорова. За исключением, правда, «фальсификатора» и «шовиниста».

Да, это он успел услышать. Такая емкая форма признания научных заслуг московского

ученого пришла в начале девяностых из далекой Молдавии. Из Молдавии, которой он отдал двадцать пять лет своей научной жизни и из которой он был уже выдворен однажды — в середине семидесятых по негласному сговору Союзного археологического начальства и КГБ. Из той самой Молдавии, в которой он нашел и свою археологическую Родину, и научное отечество всех последующих археологов Пруто-Днестровья. Новый удар, грязный навет профанов, но уже во флере перестроечно-суверенизационной демагогии. Да, из Молдавии, из утрированно-оптимистической, солнечной Молдавии, к которой Федоров был уже давным-давно равнодушен. Последнее — не совсем точно. Старался, изо всех сил старался, казаться равнодушным.

Принц и Золушка

Федоров приехал в Молдавию в 1950 году. Ему только-только исполнилось тридцать три года. Позади раскопки в Подмосковье, на Брянщине, в Средней Азии и Литве. Позади защита кандидатской диссертации. Позади война и тяжелая контузия. Нормальная тогдашняя карьера молодого московского ученого. И вот теперь — Молдавия.

Новопробретенная республика, вместе с приморской и придунайской Бессарабией, отяпанными в пользу Украины, несомненно, обладали археологическим шармом. С одной стороны, к этой скромной территории тянулась целая вереница самых разнообразных, хрестоматийных, но весьма ярких сведений античной и средневековой письменных традиций: драма киммерийских царей у берегов Тираса, перипетии похода Дария против скифов, война скифского царя Атея и Филиппа Македонского, загадочное гетское царство Дромихета, страбоновские бастарны, веныды Певтингеровых Таблиц и Корнелия Тацита, сарматы Диона Кассия и царство Германариха Иордана, славяне Прокопия, Псевдо-Маврикия и тиверцы с улицами Повести Временных Лет. С другой стороны, Молдавия археологическая оставалась в основном достоянием околонуточных гаданий, строящихся на зыбкой почве отчетов Кишиневского Церковно-археологического общества, Суручановского музея да нескольких экспедиций Андрея Морошана и Раду Вулпе. Этакая провинциальная археологическая Золушка, ждущая своего принца.

Тиверцы, загадочные тиверцы занимали ум молодого ученого. Те самые тиверцы, у которых было, согласно источникам, около полутора сотен городов. Те самые тиверцы, которые вместе с улицами «сediaху бо по Днестру, присediaху к Дунаеви». Средневековый народ, признанный фантомным, безусловно нелокализуемым на археологической карте. Почему? Ну, во-первых, середина двадцатого века (!), какие еще

могут быть открытия? Все уже открыто. Древности восточно-славянских племен узнаны, разделены и изучены. Во-вторых, задолго до 50-го года попытки найти тиверцев уже предпринимались. Но — безрезультатно. На берегах Днестра не удалось открыть их следов. Возникло устойчивое убеждение, что если тиверцы и «сediaху по Днестру», то совсем недолго, что если и «присediaху к Дунаеви», то не всерьез. Нестор, а вместе с ним и анонимный Баварский Географ чего-то напутали. В конце концов, не мудрено было и напутать в непроглядно-темном средневековье.

Но Федоров был почему-то убежден, что источники не врут. Что тиверцев еще предстоит найти. Рассматривая подробные карты тогдашней Молдавии, Федоров в один прекрасный день почувствовал, что разгадка близка. Компактный регион Пруто-Днестровья просто изобилует различными природными и рельефными микрорегионами. В южной части, приморской Бессарабии, Подунавье торжествовал степной рельеф: Буджак — последний западный закоулок Великой Степи. Начиная с центральной части, резко проступал рельеф иной — особая зона, называемая на картах XIX века горами Кодры — плоскогорья, изрезанные небольшими долинами, небольшими речками и пересыхающими ручьями. Кодры по направлению к северу все больше теснились к руслу Днестра, уступая на западе, в Попрутье, опять степи, но уже бельцкой. Такая мозаичная картина натолкнула Федорова на мысль, что если тиверцы все-таки когда-то и обитали на территории современной Молдавии, то вряд ли их следы можно отыскать непосредственно на берегу Днестра. То есть именно там, где их искали и где их не нашли.

Придя к тогдашнему своему руководителю сектора, Федоров доказывал, что в условиях перманентной опасности со стороны кочевого населения степи оседлые тиверцы должны были сторониться русла большой реки, способной быть весьма удобной дорогой для проникновения кочевых отрядов в лесостепную зону. «Сediaху по Днестру» не следует понимать буквально. Скорее речь идет о многочисленных в северной Молдавии речушках, впадающих в Днестр. Там и следует искать города тиверцев. Но голословные и умозрительные аргументы не произвели особого впечатления. «До тебя искали и не нашли. А ты найдешь?» — законно сомневался завсектором.

Федоров переходит в сектор П.Н.Третьякова. Реакция того была однозначна: «Берите машину. Даю только две ставки рабочего. Но без тиверцев можете обратно не возвращаться».

В первый же месяц разведок было открыто около пятидесяти поселений и городищ X-XI вв. В том же году были начаты раскопки Екимяуцкого и Алчедарского городищ. Потом наступила очередь городищ Лукашевка и Пояна Кунича. А

когда через десять лет вышло федоровское «Население...», то оказалось, что для тиверцев в нем места не нашлось. Как так? К тому времени уже вышли десятки федоровских статей, посвященных древнерусской культуре Молдавии. Сенсационным результатом раскопок Алчедара и Екимаяц был даже посвящен документальный фильм, а журналы «Вокруг света», «Наука и Жизнь» регулярно публиковали первые популярные федоровские очерки-отчеты об открытиях в Молдавии. Почему же в талмуде «Население Днестровско-Прутского междуречья» тиверцы были забыты? По очень простой причине. Отправившись за тиверцами, Федоров открыл тут и лукашевскую культуру конца III-I вв. до н.э. (сходные памятники незадолго до этого стали известны в Румынии благодаря раскопкам Раду Вулпе на могильнике Поянешть), многочисленные поселения и могильники черняховской культуры, поселения ранних славян VI-IX вв., культуру Первого Болгарского царства. И все эти открытия сопровождались стационарными раскопками, детальными исследованиями уже отдельных отрядов громадной «Пруто-Днестровской экспедиции». У истории тиверцев открылась тысячелетняя предыстория, собственно к самому славянскому племени имеющая косвенное отношение. Молдавия оказалась в ипостаси благодатного археологического эльдорадо, со своей весьма специфической историей, только лишь отчасти перекликающейся с историями соседних регионов. Провинциальная золушка обрела облик очаровательной принцессы, и именно Федорову предстояло испытать славу принца, достойного ее руки.

К началу семидесятых годов Федоров готовит к публикации второй том «Населения...», уже посвященный древнерусскому периоду в истории региона, несколько отдельных небольших брошюр-монографий, описывающих результаты исследований на отдельных городищах X-XI вв. (Лукашевка, Пояна Кунича). Но они остались неизданными. На публикации был наложен негласный запрет, Пруто-Днестровская экспедиция закрыта, а Федоров лишен права вести раскопки. Из Молдавии его фактически изгнали. По крайней мере, в облике археолога Федоров здесь стал персоной non grata. Провинциальная Золушка, выбившись в принцессы, оказалась склочной, сварливой и неблагоприятной особой.

Дело Федорова

У каждой экспедиции есть своя особая песня. В рудьской экспедиции песен — хоть отбавляй, и все свои. Но именно особой песни, этакого экспедиционного гимна, вроде известной «Приморили, гады, приморили» — нет. Есть только скромный осколок, случайно выживший фрагмент, оставшийся без точного музыкального оформления:

А люди брешут, а люди врут!
Есть городище такое — Рудь.
Сидим в раскопе, как на губе.
На радость партии и КаГеБе.

Студенты Высшей Антропологической Школы выдают ее речитативом на три аккорда под занавес еженощного сидения у костра.

Уже давно нет «КаГеБе», а количество партий в Молдавии скоро приравняется к общему числу бывших членов КПСС, в них сейчас интригующих. Но последняя фраза не утратила своей амбициозной энергичности, приобретя новый подтекст — что-то вроде «Назло кондуктору», «Назло партиям и правительствам», назло всем, кто мешает нам заниматься своим любимым делом.

Этот фрагмент достался от последней федоровской экспедиции, работавшей в рудьском ущелье в 1974 году. Песня — один из немногих вешдоков, не попавших в поле зрения пытливых следователей госбезопасности, музыкальный артефакт трагического «Дела Федорова». К археологии это «Дело», на первый взгляд, прямого отношения не имело. Но это — не так.

Когда в 1950 году Федоров приехал в Кишинев, в городе было аж два археолога — Георгий Дмитриевич Смирнов (Молдавский филиал АН СССР) и Георгий Павлович Сергеев (Краеведческий музей). Но Федорову нужны были не просто коллеги-помощники, ему нужны были соратники. Видимо уже тогда Федоров подозревал, что его молдавская одиссея продлится не один год. Федоров отправляется в Университет и Пединститут, выступает в средних школах города, он ищет не просто квалифицированных землекопов, он ищет будущих учеников. Именно в том году в его экспедиционном лагере в Алчедаре появляются совсем еще юные Ваня Хынку, Георгий Чеботаренко, Павлик Бырня, Изя Рафалович, Лазарь Полевой, Витя Бейлекчи. Но этого Федорову мало. После недолгих уговоров перебирается из Москвы в Кишинев и Эммануил Абрамович Рикман. Уже тогда наверняка становился заметным масштабный федоровский замысел. В отличие от многих своих столичных коллег и друзей, для которых раскопки в Молдавии являлись лишь экзотическим эпизодом, связанным с сугубо профессионально-плановыми задачами, Федоров начал с организации молдавской археологической науки. Полномочий ему таких никто не давал. Ему дали лишь пресловутый грузовик да две ставки и обещали сурово наказать в случае неудачи. Так начиналось Дело Федорова.

Проходили годы, ученики выросли, набирались опыта, становились руководителями отдельных отрядов, писали статьи и книги, защищали диссертации, сами становились учителями и наставниками. К 1974 году в Молдавии уже работал дружный, слаженный, профессиональный коллектив археологов. Дело Федорова разрасталось, становилось необратимым, в Мол-

дави возникала своя отдельная археологическая школа. Все нынешние археологи в теперешней Молдове являются «дальними» или «близкими» потомками федоровской экспедиции 1950 года. Многие из них это рьяно отрицают, другие признают с удовольствием. Все зависит только от того, как они относятся к Федорову, а не к фактам собственной профессиональной биографии. Чего там говорить о втором и третьем поколении археологов Молдавии, если самый первый защитившийся ученик Федорова — Иван Георгиевич Хынку представляется археологическим неопитам в качестве ученика Городцова (неясно, почему не Самоквасова, Спицына или графа Бобринского?), а Федорова печатно шельмует как авантюриста, фальсификатора и шовиниста. Ну, это так, к слову. Опереточной истории о благородном учителе и неблагодарных учениках в целом не случилось.

С позиций сегодняшнего дня, особенно сегодняшнего, кажется, что Дело Федорова — дело немислимое. Аналогии ему — лишь среди самых ярких страниц истории археологии. Оно с головой выдает самого Георгия Борисовича, тот масштаб личности, который неизбежно должен был стать провоцирующим исключением. Исключением в очень многих смыслах.

Федоров не производил впечатления свирепого научного лидера, властного патрона, маниакально преследующего свою цель. Мягкий и деликатный человек, чуть растерянный и расстрепанный, с огромными внимательными серыми глазами. При этом всегда готовый к веселому розыгрышу, интересной байке, хохме. Он мог точно и необидно поддеть, подначить. Для своих учеников он был и «скорой помощью», и не очень строгим судьей. Хотя было все — и крик, и взаимные претензии. Но всегда это было открыто, без затаенной обиды, без длинной византийской сплетни.

Одна показательная история. Когда Павлик (Павел Петрович) Бырня должен был поступать в целевую московскую аспирантуру Института Археологии, вдруг выяснилось, что это ему никак не удастся. Дело в том, что в паспорте Павла Петровича значилась самая не популярная в Молдавии национальность — «румын». Начальник второго Отдела Университета орал на отличника-выпускника: «Ах, ты — румын, собрался поступать в нашу советскую аспирантуру! Вы, румыны, двадцать лет издевались над молдавским народом, били его плетками-ногайками, а теперь мы должны все забыть?». Георгий Борисович кинулся «решать вопрос». Быстро выяснилось, что Павлу Петровичу нужно просто потерять паспорт, а в новом указать правильную национальность. И дорога на Москву открыта. Быстро изложив суть дела, Федоров не увидел ликования на смуглом лице любимого ученика. «Я подумаю», — ответил он. А на следующий день наотрез отказался менять на-

циональность. «Мои родители никого плетками не били. Почему я должен их предавать?». И тогда Федоров протянул руку Бырне и попросил прощения. «С тех пор я понял, что с Бырней нам по пути, что он настоящий, редкий человек», — вспоминал Георгий Борисович. Бырня в аспирантуру все же поступил, защитил диссертацию, потом возглавил Отдел археологии. Сейчас Павел Петрович уже давно доктор исторических наук, автор шести монографий, декан факультета культурной антропологии Высшей Антропологической Школы. Эту историю он помнит, но не рассказывает никогда.

Добрый и благородный человек — самая точная характеристика Федорова. Но сами эти слова настолько кажутся бессмысленными и пошлыми, что очень трудно применить их по назначению. Но это именно тот — очень исключительный случай. Человек, который с трудом может отказать, человек, которому редко предлагают что-то, кроме проблем, человек, не способный пройти мимо зла, не способный просто фальшиво посочувствовать, а помогающий, заступающийся и потому рискующий.

Когда в СССР стали сажать диссидентов, наступил новый этап в жизни Федорова. Священный самым тесным общением и дружбой со многими из них, он встал на их защиту по-своему. Когда диссидентов выпускали из тюрем, им было не найти мест, куда бы их приняли на работу. А потому они быстро вновь оказывались в лагерях — уже за тунеядство. Федоров брал их на работу, рабочими раскопа. Брала их на работу и ученики Федорова — Лазарь Львович Полевой (известный молдавский медиевист, доктор исторических наук, ныне живет в Нью-Йорке), Павел Петрович Бырня, Исак Александрович Рафалович (трагически умер от приступа астмы в 1979 году). Среди постоянных чернорабочих молдавских экспедиций по многу лет значились в списках и поэт Наум Коржавин (Мандель), и опальный историк Александр Некрич, и правозащитник Илья Габай, и многие, многие другие. Заканчивалась экспедиция. Полгода отпуска и вновь экспедиция. Появлялся шанс избежать очередного наказания.

Для Федорова его археологическое занятие никогда не было отделено от судеб живых людей, его учеников, друзей или совершенно незнакомых людей, просто ищущих у него защиты, ночлега и куска хлеба. Но беда в том, что это было нормой Федорова, но не 1974 года. Признаемся, такого вызывающего альтруизма не могла простить ни одна эпоха. Скоро выяснилось, что личность Федорова стала несовместимой со штатным расписанием Института Археологии. Рыбаков решительно прекратил двадцатипятилетний забег Пруто-Днестровской экспедиции. Публиковать научные труды запрещается, исключения делаются для работ в соавторстве. Более плотно экспедицией занялся КГБ. И в Москве, и в Кишиневе. Допросы, доп-

росы, допросы. Друзей, знакомых, учеников. Габай вновь оказывается в тюрьме, а Федоров начинает отсчет своих инфарктов, инсультов и отеков легких.

С особым цинизмом Дело Федорова крушил И.Г.Хынку. Став в 1975 году начальником Отдела археологии АН МССР, он резко обрушился на федоровских учеников — своих недавних друзей и коллег по Алчедарской экспедиции. Их увольняли, лишали права на ведение раскопок, пытались фабриковать полууголовные дела. Первый молдавский автохтонист — Иван Георгиевич Хынку доделывал в Кишиневе то, что в Москве начал ведущий панславянский автохтонист Рыбаков.

Добить федоровцев Хынку тогда не удалось. Уже через два года ситуация изменилась не в пользу идеи континуитета. Завоевавшая было популярность среди молдавской партноменклатуры (естественно, в качестве очередного идеологического принципа), она скоро негласно была признана ошибочной. Инспирированный сверху автохтонизм в Молдавии не удрежнял «вечную дружбу между народами», как, например, на Украине или в закавказских республиках. Для Молдавии степень свободы автохтонистского выбора изначально была сужена до предела. Она жестко определялась уже существовавшими автохтонистскими штампами чаушистской Румынии. А там они обслуживали не только идею автаркичного развития Великой Румынии, но и скрытые претензии на Бессарабию. Даже то, что И.Г.Хынку и его последователи скромно и безобидно выводили молдавский народ из небольшого участка оргеевского леса, больше похожего на парк, не предотвратило впоследствии печального поворота судьбы авторов первого автохтонного молдавского проекта. Партия, как всегда «тонко», откорректировала собственный промах. Хынку освободил кресло главного молдавского археолога, а его искренний и верный ученик Г.И.Постикэ надолго был лишен возможности честно писать о том, что было на душе. Только спустя годы, Георгий Исидорович Постикэ сумел опубликовать свою историческую правду об этногенезе молдавского народа. Разделив S в квадрате на произведение KL, он приходит к следующему выводу: «*Основываясь на объективные результаты исследования можно констатировать, что средневековая румынская цивилизации в Пруто-Днепровском междуречье имела под собой мощную автохтонную подоснову, которое четко прослеживается в центральной части региона, в области дремучих лесов — Кодр*» (Gh. Postică, *România din codrii Moldovei în evul mediu timpuriu*. Chişinău. 1994. P.235. Синтаксис и орфография цитируемого фрагмента русского резюме книги полностью соответствуют оригиналу — М.Т.).

Таким образом, всем новоявленным автохтонистам уже в 1977 году была подготовлена

репутация страдальцев за веру и научную истину, стигматы борцов с тоталитаризмом и догматизмом. Коими они и воспользовались в конце 80-х. Сегодня сентиментальные мифологизаторы сказочных Кодр определяют официальную научную политику в Молдавии, под их редакцией и жестким диктатом пишутся учебники, в которых, конечно же, нет ни тиверцев, ни скифов, ни бастарнов, ни готов, ни, боже упаси, оккупантов-славян. Нет в них и имени Георгия Борисовича Федорова, и даже между строк не найти намека на его Дело.

Неславянское в славянском мире, или «Дневная поверхность»

Сегодня все еще очень легко заразиться каким-нибудь национализмом. Незаметно, исподволь, защищая что-то очень дорогое и милое сердцу. Особенно сегодня, когда политическая риторика клозетных потрошителей оказывается для многих последним «утешением» и основанием для оптимизма. Особенно сегодня общество агрессивно-глухо к расовым чисткам в Москве и Петербурге, к русским погромам в национальных республиках, к ювелирному геноциду сербов. Обществу доказали, что все-таки бывают плохие и хорошие народы, что с плохими по-хорошему нельзя. Общество забыло, что «плохие» народы очень нужны начальникам народов «хороших», что начальники эти только и делают, что выращивают в пробирке сознания своих граждан представления о плохих ближних и дальних соседях, и только для того, чтобы с ними воевать, воевать, воевать. Воевать по-разному: устраивая многосерийные виртуальные шоу из фотогеничных «Стэлтсов» и неартистично-отвратительных диктаторов, меланхолично обстреливая из минометов бендерские школы во время выпускного бала, залихватски мародерствуя и насилуя в молдавских селах в знак солидарности к угнетаемому местному казачеству. А можно воевать и по-другому — твердой рукой предвыборно уничтожать чеченских бандитов, за четыре года до этого предвыборно расцелованных, прощенных и вскормленных той же властью. О том, что у этих войн нет ясной формулы победы — наивное, ошибочное утверждение. Формула победы проста: очередная окончательная победа над собственным народом, очень хорошим, генетически-чистым, самым героическим и покладистым.

Если это и банально, то это забытая, тщательно забытая, никому не выгодная банальность. Банальность, не прошедшая испытания временем, не доказавшая своей утилитарной надежности. Жить в соответствии с ней — значит стать любимой жертвой не только любого национального начальства, но и бодро рейтингового в его пользу электората.

Пресс тройного стандарта, особенно в гуманитарной науке, под силу немногим. Вы-

держивает его лишь тот, кто просто иначе думать не умеет.

Георгий Борисович Федоров не умел думать иначе.

Помню, когда в Кишиневе возникло Интердвижение в противовес прорумынскому Народному Фронту, узнавший об этом Георгий Борисович был вне себя от ярости. «Мерзавцы! Говоришь, среди них есть историки?» Последнее особенно его возмущало. Он был из тех, кто, несмотря ни на что, продолжал упорно верить в облагораживающую, очеловечивающую миссию самого научного занятия. С его точки зрения, настоящий историк не мог поддаться на такую дешевую националистическую провокацию. Создание в противовес наци точно такой же национальной (русскоязычной) организации, дискредитирующей интернационализм, — свидетельствовало только об одном: о плохой исторической подготовке лидирующих в этой организации ученых.

Федоров, действительно, не умел думать иначе и искренне удивлялся, когда это с легкостью получалось у других. «Хороший археолог не может быть плохим человеком», — много раз повторял он, что означало только одно — плохой человек никогда не сможет стать дельным археологом. «Хороший» человек, «плохой» человек — это не какие-то поповские высокопарности. У археологов эти слова всегда обладают своей брезентовой конкретикой и не нуждаются в комментариях. Но археолог для Федорова всегда был, прежде всего, человековедом, а потом уже «охотником за черепками», а потому именно человечность, гуманизм в его представлениях оказывались некой исходной аксиомой, на которой потом уже строилась вся остальная наука. Именно поэтому для Федорова — археолога-слависта — деление народов на «своих» и «чужих», будь то в настоящем, или далеком прошлом, было враждебной и опасной химерой, совершенно определенным свидетельством профессиональной некомпетентности. В советской археологии таких химер было немало: о вечном противостоянии миролюбивых славян и агрессивного-неумного Востока, о мирной колонизации славянами Балканского полуострова, о бесследно прошедших для русской истории разбойниках-варягах. Ученому, открывшему древнерусскую культуру в Молдавии, слишком очевидны были последствия такого квазинаучного предрассудка, связывающего только с нашествиями и войнами все неславянское в славянском мире. «Человечество едино. И самое формирование народов происходило в тесном общении и смешениях различных культур и племен. В этом единстве и смешении — один из главных залогов жизнеспособности человечества», — писал Федоров в своей небольшой новелле «Дорога в Буков», посвященной его друзьям, теперь знаменитым румынским археологам — Марии и Евгению Комше.

Большинство федоровских книг именно об этом. Об этом и его фолиант «Население», и его монография «Археология Румынии» (в соавторстве с Л.Л.Полевым), и его повесть «Басманная больница», и его «Записки оккупанта», и роман «Игнач-Крест». Об этом его «Дневная поверхность».

Может, это звучит кощунственно, но кажется, что «Дневная поверхность» — главная книга Георгия Борисовича Федорова. Книга выдержала три издания, дописывалась и перерабатывалась. Эта книга — сплошное искушение археологией. Число людей, решивших стать профессиональными археологами именно после «Дневной поверхности», огромно. В чем же тут дело? С ходу очень трудно объяснить гипнотический эффект книжки.

Незамысловатый наив, серия простеньких, иногда веселых, иногда печальных историй, повестей и рассказов про археологов и археологию. Ну интересно написано, ну легко читается, но ведь есть куда более интересные книги — того же Керама, Штолля, Варшавского и Кравчука. Допустим, в книге нет и следа привычного профессионального снобизма, унижающих читателя попыток с первых страниц дать «рабочий минимум археологических понятий», нет в ней искусственного восторга по поводу сделанных открытий. Но книг, рассчитанных на просвещенного дилетаната, тоже ведь не один десяток.

Нет. Тут дело в чем-то другом.

«Дневная поверхность» написана для детей. Именно для них. Написана без того вранья и неисправимой позы, которые дети раскусывают «на раз». Ведь детей от взрослых отличает одна малюсенькая особенность — они значительно меньше врут и верят только в настоящие сказки. Федоров и написал такую совершенно настоящую сказку, про странную игру, в которую играют взрослые дяденьки и тетеньки. Игру, которая, скажем честно, многим другим дяденькам и тетенькам до сих пор кажется блажью и инфантильностью. Но Георгий Борисович знал, ЧТО пишет и ДЛЯ КОГО пишет. Он доказал, что есть все же на свете и нормальные взрослые, которым можно верить, которые не подведут. Они живут в палатках, а не в домах, копаются в земле, а не пропадают на непонятной «работе». В отличие от многих пап и мам, они любопытны, веселы и все время чего-то ищут. Зовут этих взрослых археологами.

«Все, что здесь описывается, было в действительности», — пишет Федоров в предисловии к одному из изданий книжки. Нет, не верю! Все, что здесь описывается, не только было, но было, есть и будет в действительности, несмотря на то, что некоторые очень взрослые и страшные серьезные дяди делают все, чтобы этого не случилось, чтобы современная «дневная поверхность» навсегда погрузилась во тьму мракобесия и взаимной ненависти.

«...Солнце высушивает росу на полах бре-

зентовых палаток, возвещая начало нового трудового дня. Продолжается вечная эстафета от поколения к поколению, от учителя к ученику в раскрытии самых сокровенных тайн человеческой истории — неопределимого концентрированного опыта сотен поколений».

Post scriptum

Последний раз я его видел в девяностом году. Позвонив на его московскую квартиру, узнал, что Георгий Борисович тяжело болен — очередной отек легких. Марианна Григорьевна Рошаль — жена Георгия Борисовича посоветовала позвонить ему прямо в академическую больницу.

— Я в палате номер шесть. Представляешь? — бодро проговорил он по телефону. — Приходи скорей.

Палата, в которой «лежал» Георгий Борисович, была больше похожа на рабочий кабинет. А сам он вовсе не лежал, а сидел, разглядывая какие-то фотографии.

— Ты из Кишинева или из Питера? — спросил он.

— Из Кишинева.

— Тогда доставай.

— А можно разве? — неуверенно промямлил я.

— Очень даже можно и нужно. Давай-давай. Ага, пуркарское. Молодец.

Георгий Борисович совсем недавно приехал из Германии. Мы сидели и рассматривали фотографии, потягивали вино. Федоров рассказывал о Германии, удивлялся тому, какую справедливую жизнь оказалось можно построить на развалинах третьего рейха. Он купил там фотоаппарат «Полароид». Вертел его в руках. Никак не мог нарадоваться такой волшебной штуке.

— В экспедицию бы такой. Верно? — говорил он.

А потом я ушел, унося в кармане свежую фотографию, и больше уже никогда его не видел. Через два года то ли в «Литературке», то ли в «Известиях» я прочитал некролог. Он умер в Англии.

Марк Ткачук